

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-758-778>

Научная статья / Research article

Деятельность российских общественных организаций в Китае в 1917 г. (на примере русской колонии в Маньчжурии и Синьцзяне)

Е.Н. Наземцева

Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации; 119330, Россия, Москва, Университетский пр.,14; elenanazz@mail.ru

The activities of Russian public organizations in China in 1917 (on the example of the Russian colony in Manchuria and Xinjiang)

Elena N. Nazemtseva

Military Academy of General Staff of the Russian Armed Forces; 14, Universitetskiy Av., Moscow, 119330, Russia; elenanazz@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена деятельности российских общественных организаций в Китае в 1917 г. Февральская революция 1917 г. и последующие за ней события в России вызвали глубокий революционный кризис. Задача статьи заключается в исследовании революционных процессов в российской диаспоре в Китае в 1917 г. на материалах Маньчжурии и Синьцзяна. Публикация основана на не вводимых ранее в научный оборот архивных источниках. В изучаемый период в Китайской республике сформировалась многочисленная российская диаспора, состав которой зависел от специфики региона. Сведения о революционных событиях в России и прибывавшие в Китай агитаторы заметно активизировали политическую жизнь в колониях. Наиболее ярко это проявилось в Маньчжурии, где ключевое влияние на жизнь диаспоры оказывала Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), здесь с марта 1917 г. уже начали создаваться различные организации – исполнительные комитеты, Советы рабочих и солдатских депутатов, партийные ячейки РСДРП(б). В течение всего года в Харбине проводились митинги, демонстрации, собрания в поддержку революции и против русской администрации дороги, которая отнеслась к событиям в России с осторожностью и недоверием. Дестабилизация политической обстановки вызывала недовольство китайских властей и международного сообщества из-за нарушения работы КВЖД и привела к вводу китайских войск в Харбин. Деятельность общественных организаций в Синьцзяне в 1917 г. была менее активной, однако также вызывала недовольство китайского руководства из-за опасения вспышек серьезных этнических конфликтов в многонациональном Восточном Туркестане, еще не оправившемся от восстания 1916 г. В Шанхае, Пекине и Тяньцзине подобные организации отсутствовали. Тем не менее одним из главных последствий данных событий стало ослабление российских позиций в Китае, а также на Дальнем Востоке и в Центральной Азии в целом.

Ключевые слова: Российская империя, Китайская республика, Российская революция 1917 г., российско-китайские отношения, общественные организации, агитация, пропаганда

© Наземцева Е.Н., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Наземцева Е.Н. Деятельность российских общественных организаций в Китае в 1917 г. (на примере русской колонии в Маньчжурии и Синьцзяне) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 4. С. 758–778. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-758-778>

Abstract: The article analyzes activities of Russian public organizations in China in 1917 after the Russian February Revolution of 1917. Previously unstudied archival sources demonstrate that during that period, a large Russian diaspora formed in the Republic of China. Its composition depended on the specifics of the region. Information about the events in Russia and the revolutionary agitators arriving in China sharply intensified political life in the Russian colonies. This tendency was most pronounced in Manchuria, where the Chinese Eastern Railway (CER) had a key influence on the life of the Russian diaspora. Beginning in March 1917, various public organizations and associations began to form here – executive committees, councils of workers’ and soldiers’ deputies, party cells of the RSDLP(b). Throughout the year, rallies, demonstrations, and meetings were held in Harbin in support of the revolution and against the Russian administration of the road; here the sentiment was caution and distrust towards the events in Russia. The destabilization of the political situation caused dissatisfaction of the Chinese authorities and the international community, as it violated the work of the CER and led to the introduction of Chinese troops in Harbin. While in Xinjiang public organizations were less active in 1917 they nevertheless aroused the Chinese leadership’s concern, as agitation could easily lead to serious ethnic conflicts, especially multinational East Turkestan had not yet recovered from the 1916 uprising. There were no such organizations in Shanghai, Beijing and Tianjin. However, one of the main consequences of these events was the weakening of Russian positions in China, as well as in the Far East and Central Asia as a whole.

Keywords: Russian empire, Republic of China, Russian revolution of 1917, Russian-Chinese relations, public organizations, agitation, propagand

For citation: Nazemtseva, Elena N. “The activities of Russian public organizations in China in 1917 (on the example of the Russian colony in Manchuria and Xinjiang),” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (November 2019): 758–778. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-758-778>

Введение

Начало и последующее развитие революции и Гражданской войны в России способствовали росту политической активности широких народных масс. Повсеместно начали образовываться различные общественные и политические организации, причем это было характерно не только для революционных центров – Петрограда и Москвы, но и для периферии – Урала, Сибири и других территорий бывшей Российской империи. Эта тенденция проявилась и за пределами России – на территории государств, где сложилась российская диаспора, в частности в Китае. Здесь эта тенденция имела свои существенные особенности.

Во-первых, политическое положение самого Китая в этот период было нестабильным. Синьхайская революция и ликвидация монархии привели к формированию в стране различных политических сил, боровшихся за лидерство. В результате на местах – в провинциях и крупных городах администрация не имела необходимого политического влияния и административных рычагов для стабилизации экономической и политической обстановки. Во-вторых, российская диаспора в Китае была довольно многочисленной, причем как на востоке страны (Маньчжурии, Шанхае, Тяньцзине и др.), так и на западе (Синьцзяне, Ганьсу). Кроме того, она в силу исторических и географических условий была тесно связа-

на с метрополией и чутко реагировала на события, которые там разворачивались. В-третьих, в Китае активно действовали революционные агитаторы, в основном представлявшие РСДРП(б) и прибывшие в страну с соответствующей целью – организации в среде российских граждан партийных ячеек и различных объединений для поддержки революционных преобразований.

Все это приводило к дестабилизации обстановки в приграничных с Россией регионах Китая, которые имели международное политическое и стратегическое значение. Прежде всего, это касалось положения на КВЖД в Маньчжурии, где российские позиции до этого были достаточно сильны. С развитием же революционной ситуации Россия их теряла. Значительным становилось влияние Японии, США и некоторых европейских стран. Это касалось и положения в Синьцзяне (Восточном Туркестане), где до 1917 г. Россия также обладала значительным влиянием и где этнополитическая ситуация была весьма сложной, особенно после восстания 1916 г., когда туда хлынул огромный поток беженцев. Революционная агитация могла привести к новому этносоциальному взрыву в Центральной Азии, что вызывало опасения не только у китайских властей и находившихся здесь российских представителей, но и у международного сообщества, прежде всего Великобритании.

Отдельные аспекты формирования и деятельности русских общественных организаций в Китае в 1917–1920 гг. затрагивались при изучении политического положения в этой стране, российско-китайских отношений, истории русской эмиграции и деятельности КВЖД, в том числе в трудах Н.Н. Аблажей, Н.Е. Абловой, Е.Е. Аурилене, Ван Чжичена, Л.Ф. Говердовской, М.В. Ходякова, Д.Г. Янченко, Е.О. Старовойтовой и др.¹

Ключевую роль в дестабилизации политической обстановки в Китае в рассматриваемый период прежде всего в приграничных с Россией областях играли различные исполнительные комитеты, комитеты солдатских и рабочих депутатов, а также революционные агитаторы, представлявшие, как правило, партию большевиков. Однако специальных исследований, посвященных влиянию революционных событий в России на положение в регионе, до сих пор нет. Между тем это был ключевой период в отношениях России и Китая, который кардинально их

¹ *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007; *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008; *Ван Чжичен.* История Русской колонии в Шанхае. М., 2008; *Говердовская Л.Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М., 2000; *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014; *Ли И.* Столетие Октябрьской революции в китайской политической, общественной и научной мысли // *Российская история.* 2018. № 6. С. 43–56; *Наземцева Е.Н.* Деятельность русских общественных организаций по урегулированию прав русских эмигрантов в Китае (1917 – начало 1930-х гг.) // *Российская история.* 2015. № 4. С. 51–62; *Олейников И.В.* Антикризисная деятельность администрации КВЖД в революционное время (1917–1920 гг.). Новосибирск, 2012; *Ставров И.В.* Некоторые вопросы адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX века // *Ойкумена.* 2010. № 4. С. 58–64; *Ходяков М.В.* Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897; *Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О.* Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8. № 3. С. 583–597.

изменил. Именно в этот период были заложены основы будущих советско-китайских отношений.

Источниковая база данного исследования основана на не вводившихся до сих пор в научный оборот материалах Архива внешней политики Российской империи (фонды «Китайского стола», «Миссии в Пекине»), Архива внешней политики Российской Федерации (фонд «Референтуры по Синьцзяну»), Государственного архива Российской Федерации (фонд «Департамента милиции Министерства внутренних дел Российского правительства. Омск»).

Формирование российских общественных организаций в Китае

Первоначально новые российские власти не рассматривали образующиеся общественные организации как оппозиционные или имеющие какую-либо административную или политическую власть. В связи с этим в российские консульства в июне 1917 г. специально была направлена телеграмма министра иностранных дел М.И. Терещенко, в которой разъяснялось, что «общественные организации, образующиеся среди внеземельных русских колоний под именем исполнительных комитетов, комитетов безопасности, советов старшин и тому подобное, не являются органами управления, а имеют исключительно характер органов общественного мнения, указаниями которого Временное правительство готово руководиться. Поэтому возможно параллельное существование в одном городе нескольких таких организаций, утверждение же их Правительством при провозглашенной в России свободе излишне». В то же время российские центральные власти не исключали того, что деятельность новых общественных организаций будет полезна Отечеству. По этому поводу министр высказался особо: «Я надеюсь, что временное Правительство найдет себе опору во всех существующих и могущих создаться в будущем организациях и вижу лучшее средство для них оказать эту поддержку в стремлении сплотиться и ставить интересы Государства выше классовых интересов и личных счетов»².

Формирование общественных организаций, поддержавших революционные преобразования в России весной 1917 г., происходило очень быстро. Они активно создавались в приграничных с Россией областях и провинциях Китая, прежде всего в Маньчжурии и Синьцзяне, и сразу включались в политическую жизнь. Как отмечалось в консульских отчетах этого периода, направлявшихся в Петроград, «за короткое время с начала революции некоторые представители местной администрации уже сошли со сцены, другие утратили свое влияние, на место их общественные организации выдвигают новых людей, совершенно неизвестных “обществу”»³.

Российские общественные организации в Маньчжурии

Революционные события, развернувшиеся в России, кардинально изменили положение в Маньчжурии, где к этому времени сложилась крупнейшая по численности и важнейшая по значению в Китае колония выходцев из России. По мнению

² АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 143. Оп. 491. Д. 448. Л. 196.

³ Там же. Оп. 491. Д. 220. Л. 83–84.

Н.Н. Аблажей, численность русскоязычного населения на территории северо-востока Китая к началу Первой мировой войны составляла около 150 тыс. чел.⁴

Крушение монархии и образование Временного правительства вызвали неоднозначную реакцию местного русского населения. Часть отнеслась к начавшимся преобразованиям с осторожностью, другая же часть русской колонии встретила их с восторгом. Строительство в Маньчжурии КВЖД и ее динамичное развитие способствовали тому, что здесь оказалось большое число представителей рабочего класса – железнодорожных рабочих и служащих, а также солдат. В результате уже в марте 1917 г. на линии и в Харбине были организованы Советы рабочих и солдатских депутатов. Первым председателем Харбинского Совета рабочих депутатов в марте 1917 г. был избран кадет К.С. Фиалковский; Совет солдатских депутатов возглавил меньшевик М.Н. Рютин, который позже вышел из партии меньшевиков и организовал в Харбине местный комитет РСДРП (б). С сентября им издавался журнал «Борьба». В это же время произошло слияние обоих Советов в объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов, который и возглавил М.Н. Рютин. Также в Харбине был создан Комитет общественных организаций, представлявший Временное правительство⁵, Совет служащих КВЖД и другие организации⁶.

4 марта образовался Харбинский исполнительный комитет уполномоченных во главе с В.И. Александровым. В апреле были созданы местные профсоюзы, которые представляли собой скорее союзы по профессиям: мастеровых и рабочих, паровозных бригад, дорожных мастеров. Кроме того, в Харбине был созван съезд железнодорожников, который провозгласил создание Союза служащих, мастеровых и рабочих КВЖД. На съезде был избран Главный исполнительный комитет. Союзы активно устанавливали связи с подобными организациями в России. Однако из-за отсутствия оформленных должным образом партий сложно представить полную картину политической направленности общественных организаций Харбина в этот период. Следует также учитывать, что политические взгляды членов общественных организаций постоянно менялись.

На заседаниях общественных организаций Харбина поднимались не только политические вопросы, но и административные: об изменении системы городских выборов, реформе полиции, которая уже 13 марта была заменена на милицию⁷.

Как уже отмечалось, практически сразу же в городе развернулась борьба за власть между различными политическими силами: Исполнительным комитетом, Советом рабочих депутатов, Советом солдатских депутатов, профсоюзами, администрацией дороги, управляющим КВЖД генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом. Так называемая «счастливая, благословенная Хорватия», существовавшая здесь раньше, исчезла уже в марте 1917 г., сразу же после получения известий об отречении Николая II.

В ночь на 15 марта Советом солдатских депутатов были арестованы начальники железнодорожной бригады, железнодорожного полицейского Управления и ряд полицейских служащих, которые обвинялись в жестоком обращении с подчи-

⁴ Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае... С. 30.

⁵ Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае... С. 39.

⁶ Олейников И.В. Антикризисная деятельность администрации КВЖД... С. 42.

⁷ Там же. С. 43.

ненными, а главное – в сокрытии информации об отречении Николая II, полученной еще 5 марта⁸.

Атмосфера накалялась с каждым днем. На заседаниях Исполнительного комитета солдаты железнодорожной охраны вели себя буйно, даже непристойно. Во время выступлений членов Исполнительного комитета поднимали такой шум, что публика не могла слышать ораторов, когда же выступали солдатские депутаты, то их награждали громкими аплодисментами⁹. Масла в огонь подливали и действовавшие здесь общественные организации. Так, на заседаниях знаменитого Общества русских ориенталистов, образованного еще в 1908 г., в марте 1917 г. «дебатировался» вопрос о недостатках российского дипломатического и консульского представительства на Востоке и о «необходимости освежить его состав на демократических началах». С этой целью даже была составлена телеграмма министру иностранных дел за подписью тогдашнего председателя Общества А.В. Спицына. Правда, потом сам Спицын признавал, что «чувствовал себя несколько неловко» и объяснял свое поведение «обстоятельствами времени»¹⁰.

Политизация масс и активизация рабочего движения к лету 1917 г. привели к обвинениям администрации дороги в контрреволюционности¹¹. Как справедливо отметил И.В. Олейников, это «было время какого-то опьянения революционными идеями всех категорий и групп населения полосы отчуждения КВЖД, когда все единой массой выступали против старого, уже свергнутого там, в России, порядка, и каждый лелеял в душе мечту о чем-то своем, новом»¹².

Все эти события производили тяжелое впечатление на китайские власти Харбина и расценивались ими как показатель слабости генерала Хорвата и усиления влияния на Исполнительные комитеты левых элементов.

Д.Л. Хорват, действительно, весь 1917 год держался политики уступок. После ареста его ближайших помощников (начальников железнодорожного полицейского управления, железнодорожной бригады, телеграфа, харбинского депо, а также помощника Управляющего дорогой) отставка грозила и другим начальникам дороги – начальникам коммерческой части, службы эксплуатации и т.д. Все это могло препятствовать деятельности важнейшей транспортной артерии Дальнего Востока – КВЖД. Умеренная часть населения Харбина ждала от него решительных действий, тем более что на это ему давала право «ободряющая» телеграмма министра финансов М.И. Терещенко¹³.

Ситуация начала выходить из-под контроля после октябрьских событий. Харбинская организация РСДРП(б) издала воззвание к населению о поддержке решений II Всероссийского съезда Советов. 28 октября 1917 г. во главе с Рютиным и поддерживавшими его солдатами большевики явились в Железнодорожное Собрание, где в тот момент заседала партия народной свободы, и произнесли речь

⁸ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 220. Л. 90–91.

⁹ Там же. Л. 93.

¹⁰ Там же. Л. 90.

¹¹ Олейников И.В. Антикризисная деятельность администрации КВЖД... С. 45.

¹² Там же. С. 46.

¹³ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 220. Л. 96.

о переходе всей власти Советам, затем группа отправилась в Гарнизонное Собрание. 29 октября ими была устроена уличная демонстрация: толпа солдат в 200 человек с красными знаменами, на которые были нанесены большевистские лозунги, прошла по городу¹⁴.

Следует отметить, что о предстоящей демонстрации и населению Харбина, и китайским властям было известно накануне. Уставшее от бесконечных демонстраций и беспорядков местное население отнеслось к очередной демонстрации прохладно. Китайские же власти, напротив, были обеспокоены, так как ставшие уже привычными убийства и грабежи, чинимые в городе солдатами, постепенно переполняли их чашу терпения. Поэтому для защиты местного китайского и иностранного населения в Харбин по совету иностранных консулов был вызван отряд китайских войск¹⁵.

Положение становилось критическим, что отмечал в своей докладной записке от 31 октября 1917 г. вице-консул Генерального консульства в Харбине Г.К. Попов: «[...] Солдаты распущены до крайних пределов, количество грабежей, в которых замешаны солдаты, растет с каждым днем крещендо и население, не говоря уже о китайском, стонет...». «Неприятие немедленно соответствующих решительных мер, – отмечал далее вице-консул, – может слишком тяжело отразиться на нашем положении в крае: мы накануне введения в Харбине международной полиции и ввода в полосу отчуждения китайских, а может быть еще и других войск»¹⁶.

12 декабря Харбинский Совет рабочих и солдатских депутатов в газете «Голос труда» опубликовал воззвание к населению, в котором объявлял себя единственным представителем государственной власти в полосе отчуждения. Комиссаром полосы отчуждения был назначен член Совета А.Н. Луцкий¹⁷.

Разумеется, генерал Д.Л. Хорват не мог смириться с подобными выступлениями и все же обратился за помощью к китайским властям, которые 24 декабря предъявили ультиматум Совету рабочих и солдатских депутатов, потребовав высылки из Харбина революционно настроенных 618-ю и 559-ю дружины Охранной стражи, а также самого М.Н. Рютина и всех сочувствующих. С 1918 г. большевики действовали в Харбине уже нелегально. Однако политическая ситуация в Маньчжурии и непосредственно в ее центре – Харбине оставалась по-прежнему сложной. В феврале 1918 г. здесь был создан «Дальневосточный комитет активной защиты родины и Учредительного собрания» («Временное Сибирское правительство»), который полностью зависел от Д.Л. Хорвата и, по сути, не играл особой роли в политической жизни города¹⁸.

Другой формой общественной деятельности в этот период в Харбине стали профсоюзы, которые также были настроены против Д.Л. Хорвата. В частности, в июле 1919 г. началась массовая забастовка рабочих на всей линии КВЖД. 7 августа на дороге даже было введено чрезвычайное положение, а участники забастовки были переданы военно-полевому суду. Однако деятельность профсоюзов

¹⁴ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 220. Л. 149.

¹⁵ Там же. Л. 150.

¹⁶ Там же. Л. 152.

¹⁷ *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае... С. 39.

¹⁸ Там же. С. 40–41.

продолжилась. 27 января 1920 г. была создана объединенная конференция профсоюзов, партий, кооперативов и других демократических организаций КВЖД, которая также выступила против Хорвата¹⁹.

Борьба общественных организаций против Управляющего КВЖД, проходившая красной линией в деятельности харбинских общественных организаций в 1917–1920 гг., завершилась его отставкой. 13 марта 1920 г. был создан Центральный стачечный комитет, который объявил всеобщую политическую забастовку. Причем в ней приняли участие не только русские, но и китайские рабочие и солдаты. Китайские власти воспользовались моментом, и командующий китайскими войсками КВЖД генерал Бао Гуйцин издал приказ о лишении Хорвата власти²⁰. Он был вынужден покинуть Харбин и вплоть до самой своей смерти в 1937 г. прожил в Пекине.

С этого времени китайские власти начали открыто вести борьбу за контроль над КВЖД.

Русские общественные организации и революционная агитация в Синьцзяне

Активная деятельность общественных организаций в 1917 г. развернулась и на западе Китая – в Синьцзяне. Еще до революции здесь сформировались небольшие колонии выходцев из Российской империи, среди которых основную массу составляли крестьяне-старообрядцы, купцы, мелкие торговцы. В 1916 г. к ним прибавились беженцы – киргизы и дунгане Каракольского и казахи Джаркентского уездов, которые перешли границу, опасаясь репрессий со стороны царского правительства за поднятое ими восстание²¹. В 1918 г., в связи с началом Гражданской войны, таранчинцы, дунгане, часть русских Алма-Атинского и Джаркентского уездов и казахи Копальского уезда снова перешли в Синьцзян. В 1920 г. казахи Карагерского и Лепсинского уездов, матайцы Копальского, а также часть русских тех же уездов перешли границу «вследствие создавшейся паники при падении и отступлении белоармейских частей Дутова и Анненкова»²². Все они составили пеструю и взрывоопасную массу бывших подданных Российской империи в одном из самых сложных в политическом и этническом отношении регионов Китая.

В 1917 г. в различных округах Синьцзяна начали образовываться исполнительные комитеты, комитеты безопасности, советы старшин и другие общественные объединения, а также органы самоуправления. При этом в столице Синьцзяна – г. Урумчи – каких-либо общественных организаций, образованных бывшими подданными Российской империи, не было. Об этом российский консул в Урумчи А.А. Дьяков с облегчением докладывал в Четвертый Политический отдел Министерства иностранных дел: «К великому счастью мне не довелось сталкиваться ни с исполнительными комитетами, ни комитетами безопасности, ни с советами старшин и т.п.,

¹⁹ *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае... С. 44.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 147. Оп. 8. Д. 22. Л. 28.

²² АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 9. Д. 14. Л. 24.

ибо таковых общественных организаций в г. Урумчи и в других городах вверенного мне Урумчинского Консульского округа до сих пор не возникало». Свою позицию он обосновывал тем, что возникновение подобных организаций в столице Синьцзяна могло привести к обострению внутривластной обстановки в провинции, падению престижа России в регионе и в связи с этим трудностям в защите прав русских подданных: «Если бы какие-либо общественные организации входили бы в столкновение с Российским Консулом здесь, как представителем Временного Российского Правительства, то положение его, Консула, было бы слишком тяжким, так как, при наличности подобных столкновений, Российский Консул потерял бы в глазах китайцев всякое значение и авторитет, китайские власти никогда не стали бы исполнять всех его законных настояний, направленных в защиту русских интересов». Кроме того, противостоять деятельности подобных организаций у консула просто не было бы возможности, так как в консульстве штат служащих был весьма ограничен. При огромной по своей интенсивности и специфике работы здесь не было ни секретаря, ни драгомана, ни штата канцелярских служащих. При этом А.А. Дьяков отмечал, что ему «было бы крайне интересно поработать совместно, но только без столкновения, с исполнительным комитетом и прочими иными комитетами», он даже предлагал местной колонии российских граждан образовать комитеты, но они отказались²³. Причины этого заключались в том, что основным контингентом российских граждан в Урумчи являлись мусульмане, которые «были крепко спаяны своей религией». Большую роль в организации их жизни играли бей, аксакал и его помощник. Кроме того, здесь не было сильной государственной власти, полицейских, земских, крестьянских, акцизных, податных, волостных начальников; они были освобождены от акцизного и гербового сбора, не платили гильдейской пошлины, не были обязываемы оплачивать права на торговлю и т.п. Российский же консул в Урумчи никогда не вмешивался во внутреннюю жизнь российских граждан, проживавших в Урумчинском консульском округе²⁴.

Однако в приграничных с Россией областях Синьцзяна – Шарасумэском, Илийском, Тарбагатайском округах – органы самоуправления образовывались довольно активно.

Интересная ситуация сложилась в Шарасумэском округе Синьцзяна. Здесь сотрудники российского консульства посчитали, что «переживаемые Россией великие события заставляют консульство с особым вниманием отнестись к нашим крестьянам» и «в целях сохранения спокойствия в пограничном районе и закрепления дружественных отношений с китайским населением, а также укрепления среди населения русских поселков начал Государственного строя» консульство начало ходатайствовать о скорейшем проведении в жизнь необходимых реформ и само предложило проживавшим в данном районе провинции русским крестьянам организовать исполнительные комитеты. Более того, им также было предложено «во избежание недоразумений» все дела разбирать именно при содействии исполнительных комитетов и выборных от туземного населения, а также агентов кон-

---

²³ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 429. Л. 151.

²⁴ Там же. Л. 152.

сульства и китайских властей²⁵. Следует, однако, отметить, что проект участия китайских киргизов в российских комитетах был отклонен китайскими властями²⁶.

В столице Китайского Алтая – г. Шарасумэ – местное русское население с восторгом встретило революционные события в России. Действовавшее здесь русское торговое общество постановило даже понизить цены на товары солдатского обихода и собрало 300 руб., которые просило передать в распоряжение Председателя Государственной Думы на нужды Красного Креста²⁷. Кроме того, российский консул В.Ф. Люба вел в этом отношении активную работу: разъяснял значение исторических событий в России русскому торговому обществу, казакам конвоя, которые восторженными криками приветствовали Государственную Думу, Временное правительство, «взявшее в свои руки дело обновления России». Кроме того, было проведено собрание офицеров местного конвойного отряда, на котором было решено «при полном подчинении велениям Временного правительства» и поддерживая среди частей строгую дисциплину, знакомить воинские чины с ходом событий, а также способствовать единению между частями, «принимающими известия с необычайным энтузиазмом»²⁸.

Первой по времени возникновения общественной организацией в Шарасумэ стал Объединенный Совет офицерских, солдатских и казачьих депутатов, который начал функционировать с 1 апреля 1917 г., но уже 13 мая завершил свою работу по причине расформирования конвойного отряда. Вся его непродолжительная деятельность носила чисто организационный характер. Оторванность от России, где с поразительной быстротой развертывались события, сказалась на первоначальной работе Объединенного Совета, которому пришлось много времени потратить на свое формирование и выработку компетенции. На первом же его заседании мнения разделились. Одни считали, что, Совет был самостоятельным органом и независимо от Начальника отряда мог решать самые разнообразные вопросы. По мнению других, Совет был органом совещательным и его деятельность должна была строиться в тесном контакте с деятельностью Начальника отряда²⁹.

В результате несогласованности действий совет вскоре перестал существовать, и вместо него возник Депутатский (Дивизионный – Е.Н.) Комитет при Шарасумэском Дивизионе 3-го Сибирского Казачьего Полка, который приступил к работе 24 мая 1917 г. на основе уже выработанных положений о Комитетах. До августа Дивизионный Комитет проводил еженедельные заседания. В дальнейшем возникавшие вопросы в большинстве случаев решались сотенными Комитетами. Заседания Дивизионного Комитета созывались в исключительных случаях. Следует отметить, что состав воинских чинов, вошедших как в Дивизионный, так и в сотенные Комитеты, мало проявлял интереса и желания работать³⁰.

²⁵ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 339.

²⁶ Там же. Л. 357.

²⁷ Там же. Л. 315.

²⁸ Там же. Л. 314.

²⁹ Там же. Л. 390.

³⁰ Там же. Л. 391.

Бывший Объединенный Совет Шарасумэского Отряда, Депутатский Комитет при Шарасумэском Дивизионе и Сотенные Комитеты составляли одну из главных категорий общественных организаций, возникших в Китайском Алтае под влиянием революционных событий в России. Другую группу организаций составляли Исполнительные комитеты русских торговых колоний в Шарасумэ и Бурчуме. Исполнительный комитет русской торговой колонии в Шарасумэ, состоявший из трех человек, начал свою деятельность в середине апреля 1917 г. С первого момента существования Комитета со стороны выборных проявлялся некоторый интерес к работе. По инициативе консульства было устроено несколько совещаний, касавшихся обеспечения всех граждан, особенно бедных, хлебом и мануфактурными товарами. Но Комитет не предпринимал решительных шагов в целях объединения русских колонистов, а затем и вовсе прервал свою работу. Выборные представители, занятые своими личными делами, к его деятельности охладели.

Исполнительный комитет Бурчумской колонии после своего образования и предстоящих перевыборов из-за протеста части колонии против неправильной, по их мнению, организации выборов также в дальнейшем не проявлял никакой активности³¹.

Еще одной группой общественных организаций в округе являлись Исполнительные комитеты в поселках русских крестьян, проживавших в Шарасумэском округе Синьцзяна. Они были подданными бывшей Российской империи, но проживали здесь на правах колонистов. Положение в поселках было сложным. Многие не знали, как реагировать на изменение государственного строя в России, поэтому консульство посчитало, что новые органы самоуправления могли бы способствовать адекватному восприятию перемен и самоорганизации общества, необходимой в новых политических условиях. Для ознакомления местного русского населения с ситуацией в России, приведения населения к присяге на верность Временному правительству, устранения недоразумений на местах и оказания крестьянам необходимой помощи в поселки (Заречный Чонкур, Чонкур, Калгутон, Теректы, Чубур-Чилик и др.) был командирован сотрудник консульства – прапорщик артиллерии Мошкин³².

В поселке Чонкур проживало около тридцати преимущественно старообрядческих семей. Все они жили зажиточно. Благодаря прибывшим с фонта в отпуск военным поселяне проявляли живой интерес к событиям в России и к своему новому положению. Кроме того, они в это время бесплатно получали газету «Земля и Воля», которая, по словам одного из грамотных поселян, писаря Г. Боброва, мало их удовлетворяла, так как про войну писали «мало, а про ерунду сколько угодно». При первых известиях о возникновении в России исполнительных комитетов аналогичный появился и в Чонкуре численностью шесть человек. Образованный комитет заменил собой упраздненного старосту. Однако при отсутствии инструкций и каких бы то ни было указаний из центра комитет на формирование и выработку полномочий потратил около трех недель, не успев за это время наладить свою деятельность, что в конечном итоге сказалось на сроках начала сельскохозяйственных работ в поселке. В результате здесь не было налажено правильное пользование арычной водой,

---

³¹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 391.

³² Там же. Л. 357.

из-за чего задержалась распашка полей. При том, что раньше распределением воды для поливов заведовал староста М. Трескин, и никаких недоразумений на этой почве не было³³. Интересно, что изменения государственного строя в России служили здесь даже темой для проповеди духовного настоятеля старообрядцев-общинников Иова Боброва, который после обедни в молитвенном доме доказывал молящимся, что отрекшийся от престола Николай Второй был антихристом и что через три года, которые надо проводить в посте и молитве, последует кончина мира³⁴.

В поселке Калгутон проживало сорок семей, в основном также старообрядческих. Здесь действовал местный исполнительный комитет «из 4 лиц», которым решались в основном экономические вопросы, например, обеспечения хлебом населения поселка до нового урожая. При поддержке российского консульства в Шарасумэ они надеялись достать рожь и пшеницу через Зайсанский продовольственный комитет, куда и были направлены члены местного исполнительного комитета³⁵.

Интересное мнение об исполнительных комитетах сложилось у жителей поселка Чубар-Чилик. Здесь проживало тринадцать достаточно зажиточных старообрядческих семей. Четырехлетняя оседлая жизнь, непрерывный труд и обилие леса дали возможность поставить хорошие избы с солидными надворными постройками и соответствующим инвентарем. Некоторые из них скорее напоминали помещичью хуторскую усадьбу, нежели двор крестьянина-колониста. Заботами сельской общины была проложена дорога к пашне.

Такая обособленная и полная своих интересов жизнь повлияла на отношение селян к событиям в России, которые заинтересовали их постольку, поскольку это могло отразиться на войне, на которой сражались их братья, мужья и сыновья. Во главе управления здесь оставался староста, а про комитет крестьяне говорили: «Он нам не нужен, а если прикажете – выберем»³⁶.

В поселке Нижняя Дала-Каба колонисты с первого же взгляда произвели на прапорщика Мошкина неблагоприятное впечатление: «испытые лица, злобное выражение в глазах и неряшливость в одеждах свидетельствовали о многом». Звучали жалобы в адрес и жителей соседних поселков, и казаков, и в адрес местного китайского и киргизского населения. Мошкин приходил к выводу, что «в таких людях было бы странно искать отклика на то, что непосредственно не касается их повседневных личных интересов, а отсюда почти индифферентное отношение к перевороту и к историческим дням, переживаемым Россией»³⁷. Подробное объяснение им событий, происходивших в России, не вызвало никаких вопросов, а избранный местный исполнительный комитет не пользовался популярностью и был бессилён устранить постоянно возникавшие недоразумения³⁸.

Из всего увиденного Мошкин делал следующий вывод: «Великая волна революционного движения, которая так судорожно и болезненно охватила могучую Россию и

³³ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 340.

³⁴ Там же. Л. 353.

³⁵ Там же. Л. 343.

³⁶ Там же. Л. 344.

³⁷ Там же. Л. 349.

³⁸ Там же. Л. 350.

своей опьяняющей свежестью и стихийной силой захлебнула недавних обывателей и заслонила собой неотложные задачи момента – победу над вековым врагом – немцем, лишь тихим ручейком докатилась до колонистов Алтайского Округа в Китае»³⁹.

Территориальная удаленность, слабое сообщение с городскими центрами, полное отсутствие газет, почти поголовная безграмотность, бытовые и экономические особенности заграничной жизни не могли не ослабить впечатления от происходивших в России исторических событий. В особенности подобная индифферентность была характерна главным образом для старообрядческих поселков, живших замкнуто и уединенно, таких как Чубар-Чилик и Теректы. Не проявили интереса к судьбам родины и жители поселков Заречный Чонкур, Верхняя и Нижняя Кабы, жившие своими повседневными заботами. В целом же революция 1917 года в России в местных поселках была встречена спокойно, так как русские колонисты в Китае не чувствовали на себе эксплуатации старой власти в части налогового гнета и поборов, в отличие от крестьян, проживавших в России, на которых лежало много обязанностей при отсутствии прав. Здесь благосостояние и спокойная жизнь зависели только от них самих.

Административная власть в местных поселках представляла собой разнообразную картину. В одних она была сосредоточена в руках выборного старшины, в других сельского комитета и старосты, в наиболее же маленьких поселках власть вообще никем не была представлена: имелись только так называемые «старшие». Взаимоотношения между старостами и комитетами и разграничение их функций также были разные. Там, где староста был энергичный и обладал высоким авторитетом, комитет мало проявлял свою инициативу и всю полноту власти передавал старосте, являясь при нем своеобразной сельской думой. В других колониях, наоборот, во главе всех общественных дел стоял комитет, а староста лишь исполнял его постановления.

Определенной властью на местах обладали также казаки консульского конвоя. Раньше, когда прав у крестьян практически не было, казаки пользовались у колонистов большим авторитетом, поскольку киргизы испытывали страх перед казаками и в целом перед представителями власти. В данный же период авторитет казаков сохранился только в глазах киргизов. При таком положении роль казака сводилась к передаче распоряжений и указаний консула.

Следственная власть и судебные функции в пределах компетенции мирового судьи тоже были сосредоточены в руках консула. На местах эта власть осуществлялась консульством через уполномоченных лиц, командированных в поселки. Такими лицами являлись офицеры консульского конвоя без специальной юридической подготовки и без предоставленного по закону права производить следственные действия. Вся их работа сводилась к производству дознаний и склонению сторон миром или третейским судом покончить споры. Вопросы, не выходящие за пределы волостного суда, иногда разрешались миролюбивым соглашением сторон при участии старосты и членов комитета, но чаще всего спорящие расходились, не получив удовлетворения: «один в сознании своей правоты, другой – с болью и горечью на сердце»⁴⁰.

---

³⁹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 352.

⁴⁰ Там же. Л. 355.

Следует также отметить, что в Чонкуре и Калгутоне, где существовала тесная связь с поселками, находившимися в русских пределах, к организации комитетов крестьяне проявили больший интерес, чем в других, таких как Чубар-Чилик, Теректы, где замкнуто жили исключительно старообрядческие семьи, где крестьяне встретили появление новых общественных органов равнодушно, со свойственным для старообрядцев взглядом на всякое новшество. Однако в Чонкуре и Калгутоне общественная работа лишь первое время шла достаточно энергично. В дальнейшем особенности бытовых и экономических условий заграничной жизни, почти поголовная безграмотность членов комитетов, безразличное отношение к работе постепенно ослабили интерес к этим новым общественным структурам. При таком положении дел вся работа комитетов сводилась к деятельности какого-нибудь одного человека им принимались все решения, что вызывало недовольство граждан. Так, в Чонкуре, в отсутствие председателя комитета унтер-офицера Бедарева, который по вызову строевого начальства был отправлен в свою часть, произошел надел сенокосных участков. Во время сенокосения он вернулся в Чонкур и принял на себя руководство деятельностью комитета⁴¹. Бедарев поднял вопрос, что сенокосные участки распределены неправильно. Начался новый надел, который производил самочинно и единолично Бедарев. В результате явная несправедливость в распределении участков и недовольство граждан стали причиной их обращения за содействием в консульство⁴².

Помимо безразличного отношения членов комитета к своим обязанностям они в своей работе часто проявляли пристрастность при разрешении земельных вопросов. Когда возникал вопрос о наделе сенокосных и пахотных участков, члены комитета вымещали на некоторых гражданах свою старую злобу, выделяя малое количество угодий. Принять меры против обновления депутатского состава комитетов жители поселков не могли, так как выбор их был очень ограничен. Весь адекватный мужской элемент, из которого можно было бы выбрать членов для правильной работы в комитетах, находился на войне. В результате из-за отсутствия у комитетов энергичных и достойных работников они не обладали доверием большинства русских колонистов. В некоторых же поселках состав комитета вообще уклонился от своей работы и передал ее казакам консульского конвоя⁴³.

В то же время возникновение новых общественных организаций привело к созданию Потребительского общества, стремящегося объединить население поселков Чонкура, Калгутона, Теректов и Чубар-Чилика в борьбе с дороговизной и недостатком товаров. Отношения таких общественных организаций к консульству были положительные. Как отмечалось в консульских отчетах, «Исполнительные комитеты в поселках Китайского Алтая, как и общественные организации в Шарасумэ и на Бурчуме, действуют в полном согласии и контакте с консульством и воздерживаются от вмешательства в Консульскую компетенцию»⁴⁴.

Интересно, что сотрудники российского консульства в Шарасумэ намеревались использовать деятельность исполнительных комитетов в целях защиты прав

⁴¹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 392.

⁴² Там же. Л. 393.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 394.

русских граждан в округе. По мнению консульства, исполнительные комитеты, а также выборные судьи из населения могли оказать большую пользу краевому судье или вице-консулу с правами судьи, которых консульство предложило министерству иностранных дел назначить для защиты прав русских в поселках. С этой целью предлагался даже специальный проект судебно-административной реформы⁴⁵.

По мнению консульства, права как отдельных лиц, так и целых обществ не получали должной судебной и административной защиты на местах. Если раньше с этим явлением можно было мириться, то теперь с предоставлением крестьянам прав гражданства и свободы и при наличии мирной культурной политики колонизации края в основе взаимоотношений между колонистами, так и их отношений с местным населением должны были лежать правовые начала, и прежде всего постоянные и компетентные органы. Прежде всего речь шла о специальном представителе консульства с судебно-административными функциями самого консула. Им мог стать краевой судья с местопребыванием в одном из центральных поселков и периодически посещавший другие колонии. Также речь шла о выборном народном суде с компетенцией волостного суда в России, для которого апелляционной и кассационной инстанцией являлся бы суд краевого судьи. Административное же управление на местах должны были осуществлять старосты наряду с возникшими сельскими комитетами, причем их взаимоотношения, права и обязанности важно было прописать в специальной инструкции. В предложениях отмечалось: «Только такая судебно-административная реформа поможет колонистам построить свою жизнь на началах права и справедливости и высоко поставит знамя русского гражданина за границей, воспитывая в нем светлое чувство любви к Родине и уважения к туземцам, как членам дружественной нам Великой Китайской Республики»⁴⁶.

Однако развернувшаяся в России Гражданская война и последующее поражение белого движения, поддерживаемого практически всеми консулами в Синьцзяне, не дало возможность реализовать эти начинания.

В Илийском округе Синьцзяна также возникали различные общественные организации. Например, в Кульдже в апреле 1917 г. был образован Комитет членов Таранчинских Обществ русско-подданных, который сразу же заявил о своей преданности новому правительству, готовности ему «служить до последней капли крови» и даже принял присягу в присутствии Российского консула⁴⁷. Также здесь действовали Совет казачьих депутатов, Русское татарское сартовское и Русское таранчинское общества⁴⁸.

Однако спустя некоторое время ситуация изменилась. Русское население Кульджи раскололось на два враждующих комитета, которые, несмотря на усилия консульства, примирить не удавалось. Иногда дело доходило до драк. Однако стрельбы из ружей и убийств все же удавалось избегать⁴⁹. Но столкновения продолжались и подогревали возникшую вражду. Сотрудники консульства пытались стабилизи-

---

⁴⁵ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 357.

⁴⁶ Там же. Л. 356.

⁴⁷ Там же. Д. 448. Л. 194.

⁴⁸ Там же. Л. 221.

⁴⁹ Там же. Л. 199.

ровать ситуацию, опасаясь возникновения волнений и видя в распрях действия «враждебных России влияний». С этой целью они пытались связаться с Ташкентским исполнительным комитетом и просили о направлении в Кульджу соответствующих руководящих указаний и представителя Комитета⁵⁰. В то же время мусульманская фракция исполнительного комитета требовала командирования в Кульджу комиссара из Туркестанского Краевого Комитета и назначения «правильных выборов» на основании четырехчленной формулы⁵¹.

Раздорами среди русского населения в Кульдже, естественно, воспользовались китайцы, что привело, по справедливому замечанию управляющего российским консульством В.Ф. Любы, к тому, что «престиж наш, стоявший здесь вообще за последние годы не высоко, пал окончательно». В.Ф. Люба предлагал русским, проживавшим в Кульдже, объединиться. Этот призыв встретил сочувственный отклик «среди более разумной части обеих партий», которые после переговоров выразили готовность объединиться и отказаться от двух комитетов в пользу одного, избранного всеобщим голосованием. При этом общество просило консула, чтобы выборы «в видах обеспечения законности» были произведены под контролем консульства⁵².

К октябрю 1917 г. ситуацию удалось стабилизировать. Исполнительный комитет русской колонии в Кульдже даже направил благодарственную телеграмму в Петроград с выражением «чувства искренней благодарности секретарю консульства А. Зинкевичу, который среди неустанных трудов по консульству на далекой китайской окраине сумел снискать к себе глубокое уважение за правдивое честное отношение к каждому <...>, не взирая на положение, содействовал сближению демократических масс многочисленной русской колонии и своим тактом и отзывчивостью во время управления консульством не только защищал <...> от обычного притеснения русских китайцами, но предупреждал раздоры и понятные распри среди новых в России партийных разногласий». Особенно были отмечены заслуги А. Зинкевича в организации Продовольственного комитета, «без которого и в прошлом, и в далеком будущем голодающее население оказалось бы в ужасном и тяжелом положении». Телеграмма завершалась просьбой объявить А. Зинкевичу от лица консульской службы «глубокую признательность за его столь выдающиеся заслуги»⁵³.

Похожая ситуация сложилась в Тарбагатайском округе провинции. Здесь под покровительством российского консульства около сорока лет проживали подданные империи, имевшие многочисленные торгово-промышленные предприятия⁵⁴. Весной 1917 г., с началом революционных событий в России, в округе были образованы различные организации, в том числе: Чугучакский торгово-промышленный комитет, Чугучакский союз служащих и рабочих, Чугучакский исполнительный комитет, Мусульманский Чугучакский комитет, Чугучакский продовольственный комитет, Чугучакский Учетный комитет, Чугучакский почтово-телеграфный союз, солдатский и казачий комитеты. В задачу местного торгово-промышленного ко-

⁵⁰ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 448. Л. 230.

⁵¹ Там же. Л. 221–222.

⁵² Там же. Л. 211.

⁵³ Там же. Л. 250.

⁵⁴ Там же. Д. 546. Л. 99.

митета, в частности, входило оказание содействия российскому консулу в вопросах, касавшихся русских торгово-промышленных интересов в Западном Китае. Председателем комитета единогласно был избран российский консул в Чугучаке В.В. Долбежев, отлично владевший китайским, монгольским и маньчжурским языками и пользовавшийся авторитетом как среди китайских, монгольских и киргизских местных властей, так и среди русских и китайских торговцев⁵⁵.

Однако затем общество в Чугучаке раскололось на враждующие организации. С лета 1917 г. в городе появились агитаторы, которые своей деятельностью вызывали недовольство не только представителей российских властей и поддерживавших их общественных организаций, но и китайского руководства. Об этом свидетельствует письмо Товарища китайского министра иностранных дел на имя Российского посланника в Пекине от 10/23 июля 1917 г. по поводу появления на русской фактории в Чугучаке агитатора, призывавшего местных киргизов к грабежу иностранных торговых фирм⁵⁶. В частности, в письме утверждалось, что Начальник провинции получил донесение от Начальника Тарбагатайского округа Чжань Цзиннаня, в котором сообщалось о «внезапном» появлении «в пределах русской торговой фактории г. Чугучака» русского делегата, проявляющего «очень большую наглость». Он ежедневно собирал до 1–2 тысяч киргиз на митинги, по мнению китайских властей, с целью «произвести грабеж иностранных торговых фирм». В результате жалоб русских купцов на его действия начальник округа Чжань Цзиннань по соглашению с подполковником Ма Фумином распорядился даже привести в готовность войсковые части и принять необходимые меры по предупреждению возможных беспорядков. Кроме того, Начальник Управления иностранных дел округа вместе с драгоманом и другими лицами посетили факторию, чтобы успокоить население. В связи с этим китайские власти просили российских представителей в Китае – Посланника в Пекине Н.А. Кудашева и российского консула в Чугучаке немедленно «обратить на это внимание»⁵⁷.

Агитаторов было несколько: большевики Яснецов, Афанасий Ботвин и киргиз Хафиз-Кари. Разумеется, ни Яснецов, ни его товарищи никакого отношения к русской торговой фактории в Чугучаке не имели, так как никакими торговыми или промышленными предприятиями здесь не владели.

В своих агитационных речах они апеллировали к беглым киргизам и другим лицам, не имевшим определенных занятий. Не найдя поддержки, Яснецов обратился за содействием к своим товарищам в приграничный пункт Бахты⁵⁸.

В мае 1917 г. Бахтинский исполнительный комитет вместе с представителями «чугучакских народных организаций» направили в Петроград министру иностранных дел П.Н. Миллюкову, министру юстиции А.Ф. Керенскому и председателю Временного комитета Государственной Думы М.В. Родзянко телеграмму, в которой критиковали деятельность российского консула в Чугучаке В.В. Долбежева. В телеграмме говорилось: «Долбежев, будучи полным властителем русской фактории, при старой

---

⁵⁵ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 100.

⁵⁶ Там же. Л. 118.

⁵⁷ Там же. Л. 120.

⁵⁸ Там же. Л. 135.

власти, чинил всякие преступные деяния: оставлял и укрывал по своему усмотрению военнообязанных, [...] в то же время гражданская жена консула Ахматова устраивала разные благотворительные сборы и спектакли, собирала крупные суммы, не давая обществу никаких отчетов о размере сборов и их помещению, имея влияние на консула, она руководила общественной жизнью фактории, в результате чего ее текущий счет в местном банке возрастал тысячами». Кроме того, консул обвинялся в том, что «отнеся с полным пренебрежением к мартовским событиям», задерживал телеграммы о событиях на родине, «под угрозой репрессий» запретил «распространение слухов о событиях», а также в том, что притеснял организованный в Чугучаке союз служащих и рабочих, угрожал увольнениями, высылкой в Россию. В телеграмме также сообщалось об устроенной консулом 31 марта «тайно от народа» «фальшивой» манифестации, «для чего в качестве народа были вызваны несколько десятков киргиз, гарнизону было приказано выстроиться для встречи китайских сановников, служащим консульства было приказано явиться пораньше для исполнения срочных работ». Во время манифестации начались беспорядки, и под угрозой новых выступлений в факторию были вызваны китайские патрули⁵⁹. В результате Бахтинский исполнительный комитет совместно с чугучакскими народными организациями, «находя действия консула Долбежева подрывающими престиж временного правительства за границей и обостряющими отношения служащих и рабочих с предпринимателями, препятствующими к общему объединению», требовали немедленного ареста Долбежева и назначения следствия в отношении его действий⁶⁰.

В свою очередь, и другие общественные организации Чугучака направили телеграммы в Петроград министру иностранных дел, министру торговли и промышленности, в которых обвиняли агитаторов и поддерживавшие их организации в том, что они своей деятельностью роняли достоинство российских граждан за границей и стремились «внести смуту и раздор как среди российских граждан в Чугучаке, так и среди российских граждан и китайского туземного населения». В телеграммах они защищали консула Долбежева и просили министра «не придавать никакого значения жалобам, представленным провокатором Яснецовым и его товарищами» и заявляли «протест против бессмысленных ложных провокаторских жалоб на <...> уважаемого консула Долбежева», а также требовали удаления с русской фактории Чугучака «главных провокаторов-агитаторов Яснецова, Афанасия Ботвина и киргиза Хафиз-Кария»⁶¹.

Между тем чугучакские агитаторы продолжали получать помощь для осуществления своей деятельности. Так, согласно секретной телеграмме советника Четвертого политического отдела МИДа на имя Дипломатического чиновника в Ташкенте и консула в Чугучаке от 13 сентября 1917 г. (за № 4251), исполнительные комитеты в Бахтах и других пограничных пунктах принудили китайских торговцев продать свои товары по сниженным ценам и закрыть торговлю. В связи с этим китайские власти направили очередную жалобу в российское консульство⁶².

⁵⁹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 546. Л. 94–95.

⁶⁰ Там же. Л. 96.

⁶¹ Там же. Л. 135.

⁶² Там же. Л. 162.

Однако агитаторы продолжали прибывать в Китай, что вызывало резкое недовольство китайских властей. В частности, китайское правительство просило князя Н.А. Кудашева предписать русским консулам в Китае оказывать содействие местным властям «в мерах предупреждения появления в стране большевистских агентов», в распоряжение которых декретом советского правительства от 15 декабря 1919 г. были отпущены крупные кредиты на пропаганду за границей. Однако иногда деятельность общественных организаций и пропаганда со стороны большевиков достигала своей цели и местные китайские власти шли на сотрудничество с победившими в России политическими силами. Как это было, например, в Кульдже, где «была принята с почетом большевистская миссия»⁶³.

Русские общественные организации в других областях Китая

В других областях Китая, где также проживали русские, положение было иным, что было обусловлено удаленностью от российской границы и спецификой состава российской диаспоры.

Так, в Шанхае не было Советов рабочих и солдатских депутатов. Российская колония здесь была невелика, ее состав – неоднороден, большинство российских подданных проживало временно и потому колония не была спаянной и дружной⁶⁴.

Внешний облик и состав русской колонии в Шанхае сильно изменила Первая мировая война и последовавшая за ней русская революция. В течение войны в Шанхае выросло количество русских предпринимателей, а также уполномоченных различных русских общественных организаций и поставщиков правительства. Кроме того, в Шанхае производилась постройка небольших ледоколов для нужд Владивостокского порта. Оживление торговых отношений с Россией в этот период привело к увеличению в Шанхае представителей русского торгово-промышленного класса. Возникла необходимость образования здесь первой общественной организации – Русской торговой палаты «в целях защиты русских торговых интересов в Китае»⁶⁵. Учрежденная при Российском генеральном консульстве, она стала своеобразным центром деловой активности в связи с поставками товаров белым армиям⁶⁶. После получения известий о совершившемся в России перевороте русская колония в Шанхае на общем собрании 8 апреля 1917 г. решила избрать Исполнительный комитет численностью 12 человек. Его цель заключалась в объединении русской колонии и помощи в проведении в жизнь необходимых общественных преобразований. Кроме того, Исполнительный комитет решил принять на себя оказание помощи возвращающимся в Россию политическим эмигрантам и «посильного содействия» в войне с Германией. Следует отметить, что эту организацию также поддержало российское консульство в Шанхае. Кроме того, было решено образовать русское общественное собрание, «где все русские могли бы собираться»⁶⁷.

---

⁶³ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 243. Л. 250.

⁶⁴ Ван Чжичен. История Русской колонии в Шанхае. М., 2008. С. 19.

⁶⁵ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3357. Л. 308.

⁶⁶ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008. С. 132.

⁶⁷ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3357. Л. 308.

Однако собственно революционных организаций в Шанхае в рассматриваемый период так и не возникло, поскольку основная часть русской колонии подержала белое движение и лишь единицы выражали поддержку революции.

Аналогичная ситуация складывалась в Тяньцзине и Пекине, где проживали на тот момент преимущественно торговцы. Состав русской колонии в Пекине вообще был представлен в основном консульскими служащими и их семьями, а также представителями Русской православной церкви, которые были далеки от поддержки революционных настроений.

Выводы

Таким образом, деятельность русских революционных общественных организаций в Китае в 1917 г. и в последующие годы была довольно активной. Однако это касалось приграничных с Россией территорий Китая – Маньчжурии и Синьцзяна, где сформировались довольно значительные русские колонии. Наибольший размах их деятельность получила в полосе отчуждения КВЖД, что закономерно, так как именно здесь были сосредоточены основные революционизирующиеся слои населения – железнодорожные служащие, рабочие и солдаты. В Синьцзяне же, где основное русское население было представлено крестьянами и торговцами, несмотря на возникновение здесь различных комитетов их деятельность была нацелена на решение главным образом проблем внутренней жизни колонии.

Появление здесь революционных агитаторов вызвало резкое недовольство китайских властей и падение престижа России. В Маньчжурии это привело к постепенной утрате русского влияния на КВЖД и возрастанию авторитета китайского руководства и различных международных сил. В Синьцзяне руководство провинции также неоднократно высказывало свое недовольство по поводу деятельности революционных агитаторов и общественных организаций и нередко направляло протесты российским консулам в провинции и Посланнику в Пекине Н.А. Кудашеву. В итоге с началом Гражданской войны в стране Советов губернатор провинции Ян Цзенсинь принял решение о закрытии границы с Россией, даже несмотря на то, что это привело к прекращению взаимовыгодных двусторонних торговых контактов и к последующему осложнению экономической ситуации в провинции.

Рукопись поступила: 14 августа 2019 г.

Submitted: 14 August 2019

Библиографический список

- Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.
- Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: Изд-во БГУ, 1999. 316 с.
- Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск: Частная коллекция, 2008. 268 с.
- Ван Чжичен.* История Русской колонии в Шанхае. М.: Русский путь, 2008. 573 с.
- Говердовская Л.Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М.: Изд-во МАДИ, 2000. 188 с.

- Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб.: Астерион, 2014. 377 с.
- Ли Иннань. Столетие Октябрьской революции в китайской политической, общественной и научной мысли // *Российская история*. 2018. № 6. С. 43–56.
- Наземцева Е.Н. Деятельность русских общественных организаций по урегулированию прав русских эмигрантов в Китае (1917 – начало 1930-х гг.) // *Российская история*. 2015. № 4. С. 51–62.
- Олейников И.В. Антикризисная деятельность администрации КВЖД в революционное время (1917–1920 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. 105 с.
- Ставров И.В. Некоторые вопросы адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX в. // *Ойкумена*. 2010. № 4. С. 58–64.
- Ходяков М.В. Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897.
- Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 3. С. 583–597.

References

- Ablazhey, N.N. *S vostoka na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitaye*. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Ablova, N.Ye. *Istoriya KVZHD i rossiyskoy emigratsii v Kitaye (pervaya polovina XX v.)*. Minsk: BGU Publ., 1999 (in Russian).
- Aurilene, Ye.Ye. *Rossiyskaya diaspora v Kitaye. 1920–1950-ye gg.* Khabarovsk: Chastnaya kollektsiya Publ., 2008 (in Russian).
- Goverdovskaya, L.F. *Obshchestvenno-politicheskaya i kul'turnaya deyatel'nost' russkoy emigratsii v Kitaye v 1917–1931 gg.* Moscow: MADI Publ., 2000 (in Russian).
- Khodyakov, M.V. “‘Yellow Russia’ of the late XIX – early XX Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite.” *Modern History of Russia* 8, no. 4 (2018): 880–897 (in Russian).
- Krotova, M.V. *SSSR i rossiyskaya emigratsiya v Man'chzhurii (1920–1930-ye gg.)*. St. Petersburg: Asterion Publ., 2014 (in Russian).
- Li Yingnan. “The Centenary of the October revolution in Chinese political, social and scientific thought.” *Russian History*, no. 6 (2018): 43–56 (in Russian).
- Nazemtseva, Ye.N. “How Russian public organizations defended the rights of Russian emigrants to China, 1917 to the early 1920s.” *Russian History*, no. 4 (2015): 51–62 (in Russian).
- Oleynikov, I.V. *Antikrizisnaya deyatel'nost' administratsii KVZHD v revolyutsionnoye vremya (1917–1920 gg.)*. Novosibirsk: NGPU Publ., 2012 (in Russian).
- Stavrov, I.V. “Nekotoryye voprosy adaptatsii rossiyan v Man'chzhurii v pervoy polovine XX v.” *Oykumena*, no. 4 (2010): 58–64 (in Russian).
- Van, Ch. *Istoriya Russkoy kolonii v Shankhaye*. Moscow: Russkiy put' Publ., 2008 (in Russian).
- Yanchenko, D.G., and Starovoytova, Ye.O. “Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after the Russo-Japanese War: the regional dimension and the St. Petersburg policy.” *Modern History of Russia* 8, no. 3 (2018): 583–597 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Наземцева Елена Николаевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

Elena N. Nazemtseva, Doktor istoricheskikh nauk [Dr. habil. hist.], senior researcher at the Research Institute (Military History), Military Academy of General Staff of the Russian Armed Forces.